

Личное свидетельство о захоронении жертв фашистского террора в городе Пскове на Мироносицком кладбище

"ТРОЙКА"

Свидетельство к памятнику
на Мироносицком кладбище в Пскове.

Вырезка фотографии из справочника "Псков", изданного в Лениздате в 1974 году (см. стр. 3). Автор справочника псковский писатель А.А. Бологов.

То, что написано в нем о псковском "госпитале" для советских военнопленных (его тогда называли лазаретом) - сплошное враньё. Я остался в живых благодаря этому лазарету. Выжить в нем было очень трудно. Это не значит, что совсем невозможно. Одним из таких везучих оказался я.

В начале лета 1942 года, в погожий солнечный день от берега реки Великой, на котором располагались здания лазарета для советских военнопленных, с огромным трудом преодолев крутой подъем, выкатилась на улицу М.Горького двуколка (двухколесная повозка - смотри снимок) с высокими бортами. Двуколку вместо лошади тащили люди. Оглобли двуколки были связаны солдатскими обмотками. Опираясь на них грудью, а руками схватив оглобли, шатаясь от тяжести груза и собственной слабости, тянул ее истощенный человек в красноармейской пилотке и гимнастерке, задубевшей от огромных пятен крови.

Сопровождал двуколку вооруженный винтовкой полицейский лазарета из бывших русских немцев-колонистов по имени (или прозвищу) Давыд.

Он имел огромное приплюснутое лицо, и как это бывает у наследственных или застарелых сифилитиков, почти полностью провалившийся нос.

Двуколка была покрыта рогожами. Под ними навалом лежали голые трупы. Трупы были длиннее днища двуколки, поэтому головы и ноги свешивались из-под рогожи. Стриженные черепа постукивали друг об друга, когда колеса двуколки наезжали на крупные булыжники мостовой. Эти трупы были погружены из сарая, стоявшего рядом с "богадельней" (так прозвали почему-то одно из зданий лазарета).

Во дворе "богадельни" в сарае, а то и прямо на дворе на досках или бочках всегда лежали голые трупы до их отправки на захоронение.

"Богадельня" была палатой для "выздоровливающих". Здесь они лежали на голом полу, дожидаясь отправки в лагерь. Кто этого не дожидался, попадал в сарай.

В этот день трупы везли по новому маршруту через все Завеличье на Мироносицкое кладбище. Где хоронили людей раньше, я не знаю.

Немногочисленные прохожие, видевшие в дни оккупации многое, в остолбенении останавливались, глядя на нас, женщины плакали.

На Мироносицком кладбище была большая неосвоенная лужайка, поросшая травой.

Вот на ней и начали мы втроем рыть большую братскую могилу - ров, снимали дерн, а затем копали вглубь настолько, чтобы хватило места для всех сразу.

Трупы вываливали одни над другими.

Как было трудно рыть, не рассказываю. Мучил голод. «Обедали» корневищами лопухов. Очищенная сердцевина лопуха по вкусу напоминает капустную кочерыжку, только быстро синееет. О том, что ее можно есть, я до этого не знал, хотя нас кормили разной травой, прежде всего крапивой и листьями одуванчика (оказывается в них много витаминов; но до чего же они горькие!).

Так мы положили начало огромному захоронению. Здесь хоронили мертвецов из лазарета и Военного городка.

А.А. Бологов утверждает, что здесь похоронено не менее 30 000 человек. Не верю я ему, как и всем, кто подсчитывал количество погибших военнопленных. Как их можно подсчитать, если их не переписывали, а только считали по штукам, когда выводили на работу за проволоку. А на Мироносицком кладбище не хватило бы места для такого количества.

После описанных событий судьба меня привела за попытку побега в штрафной лагерь Военного городка. Поэтому я могу сравнивать положение в псковских лагерях не только по рассказам.

Это свидетельство было написано в 1963 году и предназначалось для псковского отделения общества охраны памятников.

Но после долгих колебаний я его в Псков не послал. Какая бы была от этого польза? Если бы я знал имя хотя бы одного из захороненных, в этом был бы смысл.

Ниже привожу еще одно очень краткое другое свидетельство о том, чем отличался лазарет (фактически лагерь) от других лагерей в Пскове. Чем он был лучше для его узников?

Если в Крестах и Песках осенью и зимой 1941 года в течение суток от холода и истощения умирали сотни людей, в лазарете было тепло.

Здесь не забивали насмерть людей палками. Немцы «внутри проволоки» появлялись редко - они в основном охраняли лагерь.

Лагерная полиция не так зверствовала, хотя зверства были.

Умирало людей много. Основные причины смерти не раны, а голод, дизентерия, сыпной тиф. Немцы к заразным баракам даже боялись подходить.

Медицинский персонал состоял только из военнопленных. Никаких экспериментов над людьми (по А.А. Бологову) не производилось.

Большинство врачей были настоящими патриотами. Они делали все, что могли. В хирургическом отделении прятали и лечили командиров, выдавая их за солдат, не торопились списывать в лагерь. Последнее относится и ко мне. Мне помогли врачи, мне помогли два фельдшера - мои друзья. Конечно, врачи были в несколько привилегированном положении - они не умирали от голода. Но это в вину им ставить нельзя. Спасибо им.

Бывший младший командир Е.Н. Петров.

«Я первым начал копать эту обширную могилу и сбрасывать в нее замученных людей...»

«Поющие лошади». Рисунок Генри ПИКА, Голландия.

Воспоминания Е.Н. Петрова дополнены фотографией и рисунком, вырезанными из газеты. Их сопровождает следующая подпись: «Я был лошадю, перевозившей трупы на такой же повозке. Удивительный снимок. Как и кто мог его сделать?»

Три здания – это бывший так называемый «военный городок», где в период оккупации Пскова содержались советские военнопленные. Фото сделано Е.Н. Петровым после войны.